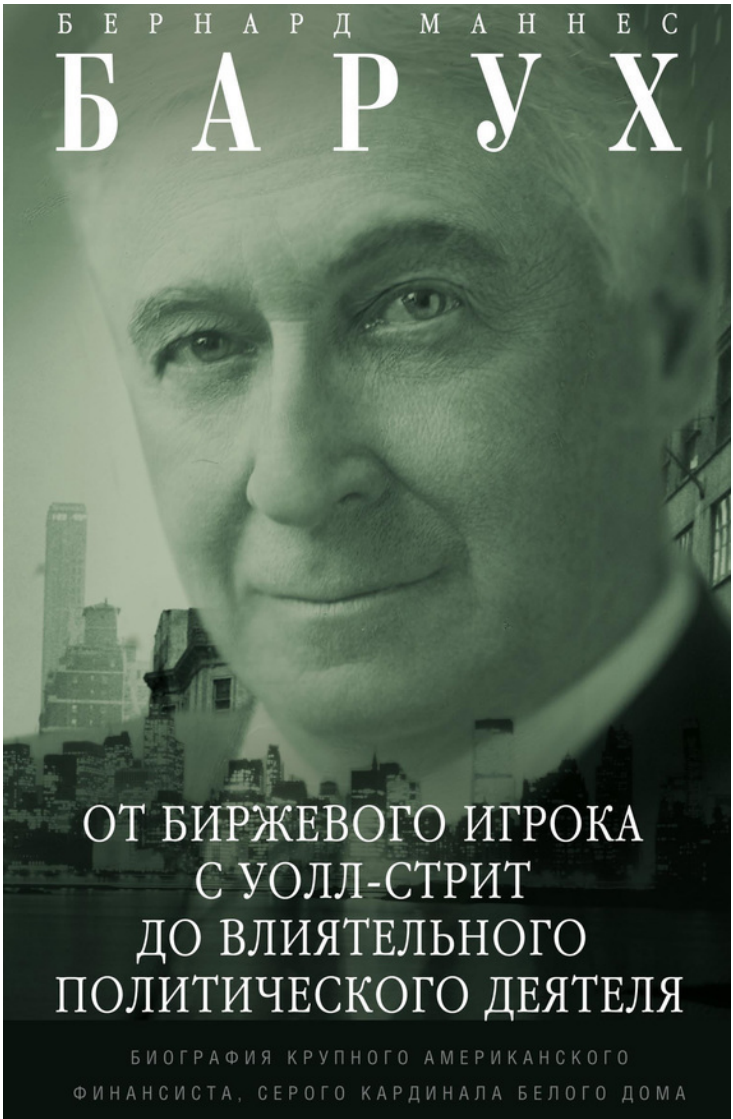

Б Е Р Н А Р Д М А Н Н Е С

Б А Р У Х

A close-up portrait of Bernard Manes, an older man with light hair and a slight smile, looking directly at the camera. The background is a dark, green-tinted image of a city skyline, likely New York City, with several skyscrapers visible. The overall tone is serious and professional.

ОТ БИРЖЕВОГО ИГРОКА
С УОЛЛ-СТРИТ
ДО ВЛИЯТЕЛЬНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ

БИОГРАФИЯ КРУПНОГО АМЕРИКАНСКОГО
ФИНАНСИСТА, СЕРОГО КАРДИНАЛА БЕЛОГО ДОМА

Бернард Маннес Барух
От биржевого игрока с
Уолл-стрит до влиятельного
политического деятеля.
Биография крупного
американского финансиста,
серого кардинала Белого дома

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9825523

*От биржевого игрока с Уолл-стрит до влиятельного политического
деятеля. Биография крупного американского финансиста,
серого кардинала Белого дома / Пер. с англ. А.Л. Андреева: ЗАО
Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-9524-5148-3*

Аннотация

«Одинокый волк Уолл-стрит», «экономический диктатор», «серый кардинал Белого дома» – так называли Бернарда Баруха. Сколотив на бирже капитал, Барух занялся политикой, став экономическим советником подряд пяти президентов Америки. В Первую мировую войну он возглавляет Военно-промышленный

комитет США, переводя американскую промышленность на военные рельсы и на этом хорошо зарабатывая, потом, будучи членом Высшего экономического совета Версальской конференции, прикладывает руку к перекраиванию политической карты мира, далее срывает большой куш в Великую депрессию. Именно он ввёл в оборот термин «холодная война»... В автобиографической книге Барух рассказывает о своей семье, финансовых авантюрах, о встречах и работе с государственными деятелями, размышляет о политике и экономике своей страны.

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	11
Глава 2	28
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Бернард Маннес Барух
От биржевого
игрока с Уолл-стрит
до влиятельного
политического деятеля
Биография крупного
американского
финансиста, серого
кардинала Белого дома

Памяти моей матери, моего отца и моей жены

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф»,
2015

* * *

Предисловие

Первыми меня попросили написать историю своей жизни мои дети. Когда они выросли, то одни спрашивали: «Может ли юноша или девушка, начиная свою жизнь, и в наше время добиться того, чего удалось добиться тебе?» или «Есть ли в этом постоянно меняющемся мире что-нибудь постоянное и стабильное?». Другим хотелось, чтобы я рассказал о своей карьере на Уолл-стрит¹, как я подозреваю, в надежде, что этот рассказ поможет им составить для себя сжатую формулу того, как разбогатеть.

Потом нашлись люди, кого стали занимать мои рассуждения о семи президентах страны, с которыми мне пришлось общаться, от Вудро Вильсона до Дуайта Эйзенхауэра.

Есть и такие, и здесь я должен признаться, что именно их мнение стало для меня решающим, которые настаивали, чтобы я поделился впечатлениями о двух мировых войнах и путях достижения мира после них, чтобы определить, содержит ли мой жизненный опыт какие-либо руководящие идеи относительно проблем выживания, с которыми миру

¹ Уолл-стрит – улица в Нью-Йорке, считающаяся историческим центром Финансового квартала города. Главная её достопримечательность – Нью-Йоркская фондовая биржа. В переносном смысле так называют как саму биржу, так и весь фондовый рынок США. Иногда так называют и сам финансовый район. (*Здесь и далее, если не указано отдельно, примеч. ред.*)

пришлось столкнуться в наше время.

Фактически я начал писать эти мемуары в конце 1930-х гг., но их завершение всё время откладывалось. С появлением Гитлера мне пришлось большую часть времени посвятить тому, чтобы вооружить свою страну, так как я считал, что она является главным стражем мира. После начала Второй мировой войны все мои силы были направлены на то, чтобы помочь ускорить мобилизацию всех ресурсов нашего народа для достижения победы и попытаться не допустить тех ошибок, что были допущены нами в Первой мировой войне. Когда война закончилась, мне пришлось бороться с её последствиями, а также решать такие проблемы, как обеспечение международного контроля за атомной энергией.

Вся эта деятельность не только не оставляла времени для работы над мемуарами, но и послужила источником многих дополнительных событий, о которых тоже следовало написать. Новые впечатления и новое понимание происходящего вызвали необходимость переписать кое-что из уже написанного ранее.

С самого начала я не хотел, чтобы автобиография была напечатана до тех пор, пока я не закончу работу над ней. Однако повествование, которое начинается с периода Реконструкции² и продолжается до времени, когда был открыт

² Реконструкция Юга (1865–1877) – период в истории США после Гражданской войны, в который происходила реинтеграция проигравших в войне южных штатов Конфедерации в состав США и отмена рабовладения во всей стране.

процесс деления атома, не так-то легко уместить в одной книге. Кроме того, я всегда считал, что мемуары любого человека следует издавать ещё при его жизни для того, чтобы те, кто может быть не согласен с написанным, имели возможность оспорить точку зрения автора и представить свой взгляд на вещи.

Поэтому в восемьдесят семь лет я понял, что мне не следует больше тянуть с изданием.

Наверное, есть какое-то преимущество в том, что я обращаю особое внимание на период моего формирования как личности. На самом деле никто из нас так и не вырастает из своего детства. То, как мы решаем проблемы взрослой жизни, обычно почти не отличается от того, как мы к ним подходим в годы своего становления.

В детстве я был недоверчивым и осторожным мальчиком. Я всегда боялся говорить на публике. Но у меня был необузданный характер. Когда я вырос, то полюбил азартные игры – скачки лошадей, игры в мяч. Борьба за награду и сейчас вызывает у меня волнение, помогает вновь почувствовать себя молодым.

Наблюдая за достижениями других, я всегда заставлял себя сделать попытку добиться того же. Мне пришлось приложить много усилий, чтобы научиться сдерживать свои чувства и чтобы делать только то, что у меня получается лучше всего, оставляя другим то, чего сам я не могу сделать хорошо.

Если и был какой-то секрет в моём взрослении, то он заключался лишь в том, что я прилежно, систематически пытался подвергать себя критической самооценке. А когда я пришёл к пониманию себя, мне удалось лучше понимать и других.

Годы, проведённые мной на Уолл-стрит, фактически превратились в длительный период изучения человеческой натуры. Почти всегда проблема, возникающая на бирже или в других видах деловой деятельности, заключается в том, как выделить холодные факты, касающиеся конкретной ситуации, из элементов человеческой психологии, которые сопровождают эти факты. Когда я оставил Уолл-стрит и стал жить публичной жизнью, мне пришлось столкнуться с той же вечной загадкой: как достичь в этом мире, где мы живём, равновесия между природой вещей и человеческой натурой.

Характер человека, разумеется, меняется гораздо медленнее, чем наше внешнее окружение. Когда меняется ситуация, некоторые предпочитают действовать догматично, направляя свои стопы в прошлое и провозглашая, что нам следует строго придерживаться старых правил. Другие считают, что каждая новая ситуация требует нового подхода, полагаясь на метод проб и ошибок и действуя так, будто все прошлые события не имеют значения.

Для того чтобы эффективно контролировать самих себя, следует отвергнуть обе эти крайности. Настоящая проблема состоит в том, чтобы точно знать, когда следует держаться

старых истин, а когда идти новыми, неизведанными прежде путями. В этих воспоминаниях я попытался сформировать философию, с помощью которой мне удалось гармонично совместить готовность рискнуть и попытаться сделать что-то новое с осторожным стремлением не повторять ошибок прошлого.

Кое-что из того, что я совершил, возможно, вызовет неодобрение. И всё же я рассказываю здесь и о своих провалах и ошибках и делаю это лишь потому, что убедился: провалы являются куда лучшими учителями, чем успех.

За помощь в работе над воспоминаниями я в долгу перед своими друзьями Гарольдом Эпштейном, Самуэлем Лубеллом, а также Гербертом Байардом Свопом. Кроме того, очень ценные редакторские замечания были сделаны Робертом Лешером из компании «Генри Холт».

Глава 1

Врач одного из штатов Конфедерации

1

Двухэтажный каркасный дом, где 19 августа 1870 г. я родился, стоял на главной улице города Камдена штата Южная Каролина. Помню, жить там было всё равно что жить на природе. Прямо за домом находились сад, конюшни и баня. А перед домом лежали три акра земли, которые мой отец превратил в нечто, похожее на «экспериментальную ферму». Один год, как я помню, он полностью был помешан на идее сахарного тростника, на выращивание которого положил столько труда, будто речь шла о приносящей хороший доход плантации хлопка.

Отец обычно проводил на своей «ферме» и то время, которое, по мнению матери, он должен был посвятить медицинской практике. Но это не мешало ему считаться одним из самых успешных врачей штата. Ему было всего тридцать три года, когда медицинская ассоциация штата Южная Каролина выбрала его своим председателем. Кроме того, он зани-

мал должность главы медицинского управления штата, принимал активное участие в беспокойной, а иногда кровавой политической деятельности периода Восстановления.

Недавно я перечитывал один из его ранних журналов приёма пациентов. На тех страничках, написанных неразборчивым почерком, как в зеркале, отражалась роль, которую он играл в городском обществе. Он лечил и негров, и белых, не делая между ними различий, от болезней и травм, начиная от юноши, загнавшего себе в ногу рыболовный крючок, и кончая старым негром, который после смерти своего хозяина отказывался пить и есть и через восемнадцать дней умер от голода.

Отец часто брал меня в свою двухместную коляску, когда ему приходилось совершать поездки по сельской местности. Иногда мне доверяли поводья, он же в это время читал или дремал.

Как-то мы остановились у одной грубой хижины. Отец вошёл внутрь, а я ждал в коляске. Вскоре он быстро вышел оттуда. Взяв в руки топор, отец разрубил деревянные ставни, приговаривая: «Этот человек умирает из-за нехватки свежего воздуха».

Работа отца на «экспериментальной ферме» отражала его стремление улучшить жизнь общества, что было для него характерным в течение всей его жизни. Когда примерно через шесть месяцев после достижения мной десятилетнего возраста мы переехали в Нью-Йорк, он был первым среди тех,

кто создавал общественные бани в перенаселённых районах с многоквартирным съёмным жильём. Южная Каролина, когда мы там жили, ещё не имела собственной развитой сельскохозяйственной службы, которая занималась бы экспериментами в области оптимальных методов фермерства. Однако отец видел необходимость таких опытов и, несмотря на то что не имел должного образования в области сельского хозяйства, вскоре стал настоящим специалистом в нём.

Рядом с книгами по медицине в его кабинете всегда лежала кipa пожелтевших журналов по сельскому хозяйству. Он на практике проверял теории, проводя опыты на собственных трёх акрах земли. За свои достижения в области выращивания хлопка, овса и сахарного тростника отец трижды получал первую премию на ярмарке графства.

Он раздавал семена и всегда находил время, чтобы помочь фермерам решить конкретную проблему. Как-то отец приобрел несколько акров земли в низине, чтобы продемонстрировать, что её можно осушить с помощью дренажных труб. Думаю, это был первый в нашей стране подобного рода эксперимент.

Отец был привлекательным мужчиной ростом шесть футов, подтянутым, с осанкой военного, чернобородый, с мягкими и одновременно решительными синими глазами. Он всегда предпочитал одеваться официально. Я не могу припомнить, чтобы хоть раз видел его раздевшимся до рубашки. Тем не менее он был добрым, а в его речи совершенно

отсутствовал акцент, который выдавал бы его иностранное происхождение.

2

Саймон Барух, как звали моего отца, родился 29 июля 1840 г. в посёлке Шверзенце, близ Позена, тогда входившего в состав Германии. Он редко говорил о своих предках. А когда речь заходила о них, он всегда говорил, что не так важно, откуда ты прибыл, сколько куда направляешься.

И вплоть до двадцати лет, когда отец взял меня с собой в Европу, чтобы навестить своих родителей, я ничего не знал о происхождении семьи Барух. Мой дед Бернхард Барух, имя которого я унаследовал, хранил старинную семейную реликвию – череп, на котором была записана генеалогия рода. Как оказалось, Барухи происходили из рода раввинов, выходцев из Португалии и Испании, хотя порой мы роднились с уроженцами Польши и России. Кроме того, как заявлял дед, мы являемся потомками Баруха-писца, который собирал пророчества Иеремии, имя которого носит одна из книг Апокрифов. Впрочем, мой отец никак не комментировал это заявление.

Мы с дедом стали большими друзьями. Он не говорил по-английски, но, поскольку я довольно бегло говорил на немецком, мы отлично понимали друг друга. Дед был более шести футов ростом, с густыми тёмными волосами, розовощёкий.

Благодаря толстым стёклам очков его тёмные глаза казались больше размером. Он чем-то напоминал мне мечтательно-школьника. Дед очень любил сидеть с сигарой в «пивном саду», и мы проводили там за разговорами много времени, отец же при этом оставался дома с бабушкой.

Бабушка Тереза Барух принадлежала совсем к другому типу людей – работающему, экономному, строгому, придиравому и практичному. Она была небольшого роста, с пронзительно синими глазами, которые унаследовали мы с отцом. Свои волосы она очень просто и строго укладывала с пробором посередине. Девичья фамилия бабушки была Грюн, как я полагаю, её семья была польского происхождения.

Отец переехал в Соединенные Штаты в 1885 г., чтобы избежать призыва в прусскую армию. В то время ему было пятнадцать лет, он учился в Королевской гимназии в Позене. Оттуда с соблюдением некоторых мер секретности он и отправился в Америку. Этот шаг требовал изрядной смелости, так как в Америке он знал только одного человека по имени Маннес Баум, также уроженца Шверзенца, владельца небольшого магазинчика в Камдене.

Маннес Баум стал протеже отца. Юный Саймон начал работать у него бухгалтером. При этом он упорно учил английский язык, для чего читал учебник истории Америки, положив рядом словарь. Жена господина Баума, которая являлась тёткой моей матери (именно она познакомила моих родителей), быстро поняла, каким многообещающим был этот

одарённый молодой человек. Она убедила Маннеса отправить отца в медицинский колледж в город Чарльстон в Южной Каролине, а затем и в медицинский колледж в Ричмонд, штат Вирджиния.

Отец никогда не забывал доброту Маннеса Баума. В честь него я ношу своё второе имя – Маннес и горжусь этим. Маленький человек Маннес обладал «храбростью Юлия Цезаря», как говорили те, кто его знал.

Отец любил рассказывать о том, как однажды в магазин зашёл местный забияка, чтобы заставить Маннеса отречься от одной из библейских заповедей. Когда Маннес ответил отказом, этот человек принялся избивать его железным наколочником мотыги. С разбитой головой, истекающий кровью, Маннес всё равно отказывался отречься. Тогда буян опрокинул его на пол, приставил пальцы к глазам Маннеса и стал угрожать выдавить их.

Маннес извивался. Давившие пальцы соскользнули, и Маннес сумел схватить один из них зубами. Он сжимал палец до тех пор, пока забияка не взвыл и не стал просить пощады. Даже под угрозой лишиться глаза этот твёрдый человек не стал отречься от законов Моисея!

Рассказывая мне эту историю, мой отец имел ясную цель. В то время в Южной Каролине чтили законы защиты своей чести, при необходимости даже ценой дуэли. Превознося храбрость Маннеса, отец как бы советовал: «Сын, никогда не спускай оскорбления».

Именно Маннес Баум вручил отцу мундир и саблю, которые он надел 4 апреля 1862 г., вступив в 3-й пехотный батальон штата Южная Каролина. Отец только что закончил обучение в медицинском колледже и был сразу же назначен помощником врача. Как сам он любил говорить, к тому времени он не умел даже вскрыть нарыв.

Для отца вступить в армию конфедератов было естественным шагом. Как и многие другие, в том числе и знаменитый Роберт Ли³, который сам не имел рабов и не одобрял рабства, отец чувствовал себя обязанным штату, давшему ему приют. К тому же большинство молодых людей в Камдене, которых он знал, также поступили на военную службу.

Прежде чем отправиться со своим подразделением на север, отец предостерёг своего семнадцатилетнего брата Германа, который только что прибыл из Германии, держаться подальше от войны. Они встретились через девять месяцев. Герман к тому времени служил в кавалерии конфедератов. Когда отец обрушился на него с упрёками, Герман пояснил: «Я не смог больше выдержать этого. Я не мог смотреть в глаза женщин».

Как врачу, отцу приходилось наблюдать самую грустную, самую грязную сторону войны. Он не любил рассказывать об этом. Когда я и трое моих братьев просили его «рассказать

³ Ли Роберт Эдвард (Lee, 1807–1870) – американский военный, генерал армии Конфедеративных Штатов Америки, командующий Северовирджинской армией и главнокомандующий армией Конфедерации. Один из самых известных американских военачальников XIX в.

о войне», он обычно отправлял нас заниматься уроками или давал нам какое-нибудь неприятное задание.

Но бывали и времена, когда отец в окружении своих четырёх сыновей предавался воспоминаниям. Одной из любимых историй было, как он попытался задержать отступление армии конфедератов в сражении у Седар-Крик, ставшем знаменитым благодаря броске кавалерии генерала Шеридана из Винчестера.

– Я видел, как генерал Эрли размахивал флагом и пытался заставить своих солдат прекратить бегство, – вспоминал отец. – Я поскакал к линии фронта и стал кричать: «Вперёд, солдаты, ради бога, вперёд!» Повсюду рвались снаряды янки. Один разорвался прямо у меня над головой. Маленький осколок попал кобыле, на которой я скакал, в зубы, и она понеслась прочь вместе со мной. Солдаты кричали мне вслед: «Какого же чёрта ты сам не идёшь вперёд?!»

Второй рассказ, который мы любили слушать, был о первом опыте отца в качестве военного врача во время второго сражения при Манассасе. Отец доложил о прибытии в полевой госпиталь как раз в тот момент, когда хирург-ветеран собирался делать ампутацию. Правильно оценив неопытность отца, врач отложил скальпель и насмешливо спросил: «Может, доктор, вы сами хотели бы сделать эту операцию?» Отец принял вызов и выполнил ампутацию, впервые в своей жизни. Он сделал это достаточно хорошо, чтобы заслужить похвалу опытного врача.

Несмотря на то что отцу пришлось поучаствовать в нескольких самых кровавых сражениях той войны, он часто подчёркивал, что обе стороны демонстрировали рыцарское поведение. Когда же разразилась Первая мировая война, он заметил, что по сравнению с ней Гражданская война была «войной джентльменов». Один из примеров рыцарского поведения на поле боя произвёл на него такое впечатление, что он вспоминал об этом даже на смертном одре в 1921 г.

Среди погибших со стороны армии Союза во время Битвы в Глуши был генерал-майор Джеймс Уодсворт, внук которого стал сенатором от штата Нью-Йорк. Генерал был убит выстрелом в голову. Генерал Ли направил в лагерь северян послание, что почтёт за честь вернуть им тело такого храброго противника. Пока повозка, над которой развевался флаг перемирия, везла тело генерала Уодворта через линии конфедератов, растроганные солдаты в серых мундирах обнажали голову.

3

Ни разу, вспоминая о Гражданской войне, отец не демонстрировал вражды по отношению к северянам. Возможно, это было вызвано тем, как с ним обращались каждый раз, когда он попадал в плен.

Первый раз его захватили в плен во время сражения при Антьетаме. В предшествующих боях у Южной Горы 3-й Юж-

нокаролинский пехотный батальон был жестоко потрёпан, а его командир, полковник Джордж Джеймс, убит. Когда конфедераты бросились в отступление, отцу приказали позаботиться о раненых, которых расположили в церковном дворе в Бунсборо. Из двери, которую водрузили на два бочонка, спешно соорудили «операционный стол», на который положили одного из тяжелораненых. Пациенту дали хлороформовую маску, и отец уже достал свой инструмент, но в это время вокруг разгорелась ожесточённая перестрелка. Раненого перенесли в церковь, где отец приступил к операции.

Когда он закончил, окрестная дорога оказалась заполненной кавалерией северян. Отец и его санитары продолжали работать под сотрясавшие землю звуки канонады, раздававшиеся в районе Шарпсберга, всего в нескольких милях от них. Подошёл врач армии Союза, который спросил у отца, нужна ли ему помощь. Это неожиданное предложение произвело на отца настолько глубокое впечатление, что он даже пятьдесят лет спустя помнил имя этого человека. Его фамилия была Дали.

Так младший врач Барух стал военнопленным. Но он знал, что скоро его освободят, так как обе армии придерживались политики как можно скорее производить обмен военными врачами. Отец находился в Бунсборо ещё около двух месяцев, два самых приятных месяца за всё время, что он провёл в армии, как он всегда говорил. Потом его и ещё нескольких военных врачей посадили на поезд, направляв-

шийся в Балтимор. При этом пленникам дали слово, что на вокзале их встретят сторонники южан, которые разместят их в своих домах до тех пор, пока не произойдёт обмен.

Но отвечавшему за процедуру лейтенанту янки не понравились эти манёвры, напоминавшие братание, поэтому он предпочёл направить пленных к начальнику военной полиции. Тот оказался меньшим педантом. Он предоставил отцу и оказавшемуся вместе с ним другому офицеру полную свободу передвижения по городу. Взамен они обязались на следующий же день явиться к нему. Двое конфедератов разместились в доме богатого горожанина, где до двух часов ночи танцевали.

После завтрака по просьбе нескольких молодых дам они в открытом экипаже отправились в фотостудию. Та фотография, за которую заплатили его почитательницы, во время моего детства висела в нашем доме в Камдене.

На следующий день оба захваченных в плен врача-конфедерата уже находились на пути в Вирджинию, где и состоялся обмен.

Во второй раз отец попал в плен через десять месяцев у Геттисберга. Когда я был уже взрослым, мы с отцом побывали в Геттисберге, и он мне рассказывал о том сражении как очевидец. Во время рассказа отец махал своей чёрной шляпой, при этом его седые волосы развевались на ветру. Он описывал то замешательство, которое началось, когда войска генерала Пикетта начали наступать на Персиковый Сад. Как

вспоминал отец, почти все госпитализированные имели ранения в бок, полученные в результате флангового огня янки, после получения приказа конфедератам изменить направление наступления.

Полевой госпиталь конфедератов был организован в таверне «Чёрная лошадь». Отец рукой указал на Марш-Крик, откуда санитары носили воду для врачей. По его рассказам, в течение двух дней и двух ночей он без перерыва либо оперировал, либо дежурил при раненых.

Потом, когда армия конфедератов начала своё вызывающее скорбь отступление, отцу и двум другим врачам поступил приказ от генерала Ли оставаться в госпитале и ждать дальнейших указаний, что фактически означало сдачу в плен противнику.

Ожидая подхода войск северян, отец и два других врача поймали забредшего к ним петуха и зажарили его. Впервые за три дня им удалось тогда нормально поесть. Как только последняя косточка была обглодана, показались ряды кавалерии армии Союза.

Почти сразу же похожий на священника джентльмен по фамилии Уинслоу подозвал отца и предложил ему помощь продуктами и материалами, что поразило отца до глубины души. Он отправил отца на медицинский склад в Геттисберг, который был забит до отказа, – редкое зрелище для представителя южан, армия которых жила тем, чем сама могла себя обеспечить. Тамошний клерк порекомендовал отцу обра-

титься к квартирмейстеру с просьбой предоставить ему повозки. Терзаясь сомнениями, отец направился в штаб, где расположился квартирмейстер, и снова был поражён оказанным ему приёмом.

– Присаживайтесь, доктор, – вежливо предложил ему молодой офицер. – Вот «Нью-Йорк геральд»⁴, где написано, что стало с генералом Ли. Почитайте её, пока не придут наши повозки.

Вскоре в распоряжение отца предоставили мулов и повозку. Он заполнил её лекарствами и другим необходимым имуществом, которого должно было хватить на месяц. Среди прочего здесь был и бочонок с яйцами, переложенными опилками, вино, лимоны, а также масло, упакованное в лёд, чтобы не растаяло.

Для ухода за ранеными прибыли две женщины из штата Мэриленд и пожилая медсестра-англичанка. Доктор из Балтимора принёс отцу отличный набор хирургических инструментов, на коробке с которым было выгравировано имя отца. Позже отец отослал эти инструменты в Камден, чтобы было с чем начинать медицинскую практику после окончания войны.

На этот раз он провёл в плену шесть недель. Потом внезапно его погрузили на запряжённую волами телегу и вместе с другими пленниками-конфедератами отправили в форт

⁴ «Нью-Йорк геральд трибюн» (New York Herald Tribune) – американская газета.

Мак-Генри в Балтимор. Как оказалось, отца и других врачей армии южан здесь держали в качестве заложников.

Сторонника северян из Чарльстона, Западная Вирджиния, доктора Рукера обвинили в убийстве и приговорили к повешению. Его жена обратилась к федеральным властям с заявлением, что суд над её мужем был несправедливым. По распоряжению из Вашингтона обмен врачей армии конфедератов был приостановлен до тех пор, пока доктор Рукер не будет освобождён.

Заключение в форте Мак-Генри не было таким суровым, как это можно представить. По крайней мере, так уверял нас отец. Действительно, он часто сравнивал его с «летом, проведённым на морском курорте». Ему и другим врачам было разрешено свободно передвигаться по всей территории форта. Они играли в футбол и шахматы, устраивали занятия по языку и научные дебаты. И что было особенно благотворно для их морального состояния, форт, чтобы ободрить пленников, ежедневно посещали молодые дамы, и пленники пытались выторговать друг у друга бумажные воротнички, чтобы лучше выглядеть.

По вечерам некоторым пленникам разрешалось в сопровождении сержанта ездить в Балтимор. И такой порядок действовал до тех пор, пока однажды несколько молодых врачей не опоздали к утренней перекличке. За них пытались откликнуться другие пленники, но эта уловка сразу же была раскрыта. Содержание пленных стало более строгим до

очередной поблажки, когда оставшиеся офицеры дали слово, что не станут предпринимать попытки к бегству.

Через два месяца доктор Рукер совершил побег, и пленников форта Мак-Генри отправили на юг.

Находясь в форте Мак-Генри, отец написал статью по медицине, которая позже была опубликована под названием «Двойное проникающее штыковое ранение в грудную клетку». Во время Первой мировой войны главный врач американской армии Миррит Айрленд рассказал мне, что этой работой всё ещё пользовались военные хирурги.

4

Ещё одна история, рассказанная мне отцом в его последние дни, была о его самом тяжёлом военном испытании. В июле 1864 г. он был произведён в военные врачи. В марте следующего года его направили в Томасвиль, Северная Каролина, с заданием подготовить больничные места для войск армии конфедератов, которые в тот момент пытались сдерживать натиск армии генерала Шермана в северном направлении.

Собрав полувоенный отряд, доктор Барух возглавил переоснащение зданий двух небольших фабрик и гостиницы в госпитали. Когда пошли слухи о 280 раненых после сражения при Аверасборо, которые находились на пути в Томасвиль, отец разослал вооружённые патрули с заданием мо-

билизовать на работы каждого мужчину и даже юношу, которого смогут найти в окрестностях. Этим людям пришлось выносить скамьи из двух церквей, чтобы обеспечить для раненых дополнительные места. Они же собирали солому для матросов и сосновые шишки, которые поджигали и использовали для того, чтобы указать дорогу для очередной партии раненых, прибывших ночным поездом.

Состояние раненых было бедственным. Лёжа в вагонах с небрежно сделанными, пропитавшимися кровью повязками, они громко стонали и проклинали всё на свете.

За день до прибытия раненых отец обходил дом за домом и просил женщин испечь хлеб, а также приготовить для них кофе и бекон. Он следил, чтобы каждый солдат, который был способен принимать пищу, был накормлен, чтобы всех разместили с максимальными удобствами. Потом, поспав пару часов, он начал оперировать.

Ни он сам, ни два его ассистента не прекращали работу до тех пор, пока не была обработана последняя рана. Как вспоминал отец, никогда за всё время войны он не чувствовал себя настолько измотанным. Когда работа была закончена, он отправил телеграмму главному врачу округа. С гудящей от пульсирующей боли головой он попросил временно освободить его от обязанностей. После этого отец потерял сознание.

Как оказалось позже, отец заболел тифом, которым заразился от кого-то из больных, но не знал об этом и продол-

жал оперировать. Через две недели, когда он пришёл в себя, война уже закончилась. Пока отец лежал в лихорадке, войска Союза успели пройти через территорию, где располагался его госпиталь. Отец снова был захвачен в плен и официально находился в заключении, хотя сам об этом не знал.

Как только ему разрешили свободно передвигаться, он вернулся в дом Маннеса Баума в Камдене, свой единственный дом в Америке. После тифа он настолько ослаб, что прибыл туда на костылях. Как и десятки тысяч других солдат Конфедерации, отец лишился своей должности. Он рассчитывал при помощи инструментов, подаренных ему другом в Балтиморе, начать практиковать в качестве гражданского врача, однако эти инструменты были украдены кем-то из солдат-мародёров Шермана.

Война наложила на отца неизгладимый отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Где бы оркестр ни начинал играть «Дикси», чем бы отец при этом ни был занят, он всегда вставал и издавал пронзительный клич мятежников. Стоило раздаться первым аккордам, и наша мать, и мы, мальчишки, уже знали, что за этим должно последовать. Мама будет дёргать его за полы пальто и умолять: «Тише, доктор, тише!» Но это ни разу не действовало. Я видел, как однажды отец, обычно являвшийся образцом сдержанности и достоинства, вскочил с кресла в здании «Метрополитен опера» и издал всё тот же душераздирающий вопль.

Глава 2

Некоторые колониальные предки

1

Я сын иммигрантов и с отцовской, и с материнской стороны.

Первым из родственников матери, иммигрировавших в Америку, был Исаак Родригес Маркес, фамилия которого в старых документах пишется по-разному – Marquiz, Marquis или Marquise. Прибыв в Нью-Йорк в 1690 г., он стал судовладельцем, его суда бороздили моря, омывающие три континента. Он был современником знаменитого капитана Уильяма Кидда⁵, повешенного по обвинению в пиратстве, как многие теперь считают, по ложному доносу. Вдова Кидда жила через дорогу от дома Исаака Маркеса. Её принимали в лучших домах, она всегда оставалась богатой и уважаемой

⁵ Кидд Уильям (Kidd, 1645?—1701) – шотландский моряк и английский капер. Известен благодаря громкому судебному разбирательству его преступлений и пиратских нападений, итоги которого оспариваются и по сей день. Фактически деяния Уильяма, как капера и пирата, заметно уступали славе других пиратов того времени, но благодаря усилиям писателей, обнаруживших интерес к приключениям ужасного разбойника, капитан Уильям Кидд стал одним из самых известных пиратов в истории.

дамой.

Выбор Маркесом места жительства и поля деятельности свидетельствует о прекрасном чутье бизнесмена. В то время Нью-Йорк представлял собой городок из двух или трёх улочек, протянувшихся на север от деревянного причала. Но уже тогда это был шумный населённый пункт, где проживали примерно 3500 жителей. Бурный рост города был вызван в первую очередь либеральными взглядами к вопросам морской торговли, в том числе и пиратской деятельности со стороны королевского губернатора колонии Бенджамина Флетчера.

Этот человек обеспечивал тёплый приём всем морякам, в том числе и небезызвестному пирату Томасу Тью⁶, которого Флетчер принимал в официальной резиденции и о котором отзывался как о «покладистом и общительном человеке». Тью не оставался в долгу: он окончательно отказался считать своим родным Ньюпорт, сменив его на Нью-Йорк.

При губернаторе Флетчере Нью-Йорк стал соперничать с Ньюпортом и Чарльстоном за право считаться самым удобным местом ведения морской торговли, где не задавали неудобных вопросов о происхождении грузов. Как говорили, во времена правления Флетчера почти каждого судовладельца, суда которого действовали через этот город, подозревали

⁶ Тью Томас, также известный как Род-Айлендский пират (Tew, ? – 1695), – английский капер и пират. Хотя Тью совершил только два крупных путешествия и погиб во время второго из них, он впервые проплыл путём, известным позже как Пиратский круг.

в пиратстве.

Было бы романтично, если бы я мог объявить, что имею среди своих предков пиратов. Однако собранные мной документы не позволяют сделать такого заявления. Всё свидетельствует о том, что Исаак Маркес все свои операции, проведённые при солёном морском ветре, совершал в рамках закона. Одним из косвенных свидетельств в пользу данного заключения является тот факт, что уже через год после того, как он стал гражданином города, пиратство вдруг вышло из моды. Это было вызвано прибытием нового губернатора графа Белломонта, который в пике политики Флетчера стал ярро бороться против пиратов. Одной из жертв той кампании и стал капитан Кидд.

Реформы Белломонта расстроили тщательно построенный бизнес некоторых видных граждан Нью-Йорка, в том числе и некоторых друзей моего предка. Но похоже, самого Маркеса они не затронули, насколько об этом можно судить по тому, как вырос его капитал, а также по тому, что его имя ни разу не упоминается в чёрных списках объявившего крестовый поход Белломонта.

Точных данных о том, где и когда родился Исаак Маркес, не сохранилось. По одним семейным преданиям, он происходит родом из Дании, по другим, что более вероятно, с Ямайки. В любом случае он относится к испано-португальской ветви еврейского народа.

Самый первый документ, касающийся моего первого аме-

риканского предка, который мне удалось найти, датирован 17 сентября 1697 г. В этот день Исаак направил свои стопы в здание городской управы, предстал перед мэром и олдерменом корпорации и после тщательного опроса и уплаты пяти фунтов стал гражданином города. Этот статус давал ему право голоса на местных выборах. В то же время он требовал от него нести службу в городской милиции.

Как долго Маркес прожил в Нью-Йорке до получения гражданства, не ясно, но, вероятно, не слишком долго. Несмотря на то что любой может жить в городе, не являясь гражданином страны проживания, статус горожанина предусматривает, что «ни одно лицо или лица, помимо... свободных жителей, не вправе... торговать или заниматься ручным трудом внутри данного города...». А Исаак Маркес как раз и был занят «искусством» и «таинством» мореплавания и торговли.

Как говорили, он владел тремя судами. Мне удалось найти документы только по одному из них, который назывался «Дельфин» и, согласно документам, совершил два рейса. Первый – из Нью-Йорка в Англию и обратно, второй – из Нью-Йорка в Англию, а оттуда – на побережье Африки в Вест-Индию за рабами и обратно в Нью-Йорк, то есть по знаменитому торговому треугольнику. Иногда рейсы совершались напрямую между Нью-Йорком и Африкой, так как в колонии стал широко внедряться труд рабов.

Следует заметить, что по меньшей мере при совершении

одного из рейсов «Дельфина» в документах упоминается судовой врач, что свидетельствует о проявлении заботы о здоровье команды, а также человеческого товара, что не было в то время общепринятым среди владельцев торговых судов и торговцев рабами. Следует отметить также и то, что, каким бы ни было богатство, которое шло к Маркесу по жестокому маршруту работорговцев, оно было с лихвой оплачено страданиями и потерями жизней и имущества его потомками по обе стороны воюющих во время Гражданской войны.

Через год после того, как Исаак стал гражданином Америки, его жена Рейчел принесла ему сына Джекоба. К тому времени у семейной четы уже была дочь Эстер, что было написано собственноручно самим Исааком.

Свидетельством процветания дел Исаака является приобретение им за 550 фунтов, как описывается, «большого кирпичного дома» на Куин-стрит и прилегающего к нему участка земли, простиравшегося в сторону Ист-Ривер. Частью той собственности и участка, на котором стоял тот дом, является теперь здание по адресу Пёрл-стрит, 132.

В документах, которые я изучил, даются некоторые интригующие детали того, какие законы царили в те времена в Нью-Йорке. «При тёмной луне, – говорится в одном из предписаний, – Куин-стрит следует освещать с помощью фонарей, которые подвешивают на жердях перед каждым седьмым домом. Затраты на это делятся поровну среди жильцов. По ночам основной проезд патрулирует сторож, кото-

рый сигналом колокола оповещает о погоде и о времени. Очаги и дымоходы регулярно подвергаются официальному осмотру с целью не допустить пожаров».

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Исаак вошёл в благополучные влиятельные круги. Его дом на Куин-стрит находился всего в одном квартале от особняка бывшего мэра Нью-Йорка Абрахама де Пейстера, а также члена городской управы импортёра сахара Николааса Рузвельта.

В роли свидетелей, подписавших завещание Исаака, выступили действующий мэр города Рип ван Дам, первый управитель колонии из числа уроженцев Америки, а также Уильям Пиэртри, сумевший за счёт работоторговли подняться из простых матросов до судовладельца, а позже ставший мэром города и основавший первую в Нью-Йорке бесплатную школу.

Скорее всего, самыми близкими друзьями моего предка были рабби синагоги на Бивер-стрит Абрахам де Люцена, а также ещё один видный горожанин-еврей Луис Гомес, поскольку именно им он поручил после своей смерти оказать помощь своей вдове в управлении имуществом.

Завещание, датированное 17 октября 1706 г., начинается любопытным цветистым высказыванием: «Будучи... связанным обязательством совершить поездку на Ямайку в Вест-Индии и считаясь с серьёзной возможностью гибели и в то же время не зная о времени, когда она может прийти...»

Далее следует текст самого завещания Исаака. Он распорядился, чтобы в качестве служанки для его матери, которая также была упомянута в завещании, была приобретена рабыня. Остальное имущество должно быть поделено поровну между его женой и двумя детьми, Эстер и Джекобом. Кроме того, Эстер выделялось «50 фунтов на покупку ювелирного украшения при достижении её 18-летия или вступления в брак с согласия матери».

После этого завещания имя Исаака Маркеса сразу же перестаёт упоминаться в документах. Мне не удалось ничего больше узнать ни о его детях Эстер и Джекобе, ни о его жене Рейчел.

Я часто думал об этом человеке, особенно стоя у поручней судна, входившего в нью-йоркскую гавань. Глядя вокруг, я ощущал чудесное преображение величественного вида города, по сравнению с той деревянной пристанью, которая встретила Исаака Маркеса, когда он ступил на эту землю.

И в то же время насколько неизменным осталось символическое значение страны под этим величественным небом! Для Исаака Маркеса это была земля свободы и возможностей, и такой она сохранилась спустя два с половиной столетия.

То, что эта страна остаётся неизменной так долго даже перед лицом произошедших здесь грандиозных физических преобразований, как я считаю, свидетельствует о том, каким твёрдым и закалённым является американский националь-

ный характер. Наша материальная жизнь вновь и вновь переживает революцию, но мы так и остаёмся на этих свободных берегах.

2

Следующим моим предком, документальные записи о котором мне удалось отыскать после Исаака Маркеса, стал Исаак Маркс – так теперь писалась эта фамилия. Он считается сыном Исаака Родригеса, но, поскольку родился в 1732 г., скорее всего, всё же является его внуком.

Во время революции Исаак Маркс последовал за Континентальной армией, когда та осуществляла эвакуацию из Нью-Йорка, и переехал в Олбани. Там он вступил в 4-й полк милиции графства Олбани.

Основателем рода со стороны матери в Южной Каролине стал сын Исаака Самуэль. Он родился в 1762 г. в Нью-Йорке. Уже взрослым Самуэль переехал в Южную Каролину в город Чарльстон, где стал владельцем небольшого магазина. Одна из его дочерей, Дебора, вышла замуж за рабби Гартвига Коэна и стала моей прабабушкой.

Моей прабабушке Коэн, когда я с ней познакомился, было за восемьдесят. Это была утончённая старая леди, которая носила дорогие изящные шали и полуперчатки, как в то время называли модные среди женщин дамские перчатки без пальцев.

Как большинство старых людей, она более чётко помнила события прежних лет, чем то, что произошло недавно. Мне было одиннадцать лет, и я был благодарным слушателем рассказов прабабушки. Её любимым воспоминанием был танец с Лафайетом на балу в Чарльстоне во время его поездки по стране в 1825 г. Война 1812 г. была воспоминанием её детских лет. Очень живы были в памяти и рассказы её матери, которая в девичестве при английской оккупации во времена революции жила в Нью-Йорке.

Когда я думаю о своей прабабке, меня поражает мысль, насколько молода наша страна. Благодаря тому, что я видел своими глазами, а также из её рассказов мне удалось стать живым свидетелем большей части истории после того, как страна завоевала независимость.

Моя бабушка Сара Коэн, дочь Деборы Маркс и рабби Гартвига Коэна, стала супругой молодого торговца и плантатора из Винсборо, верхней части штата Южная Каролина, Салинга Вулфа. Они поженились в ноябре 1845 г. В брачном контракте, составленном на иврите, в принятых в синагогах выражениях так говорится о приданом невесты и обязанностях жениха: «На четвёртый день недели, двадцать шестой день месяца Хешван 5606 года, что соответствует семидесятому году независимости Соединенных Штатов Америки, как это принято в городе Чарльстон, Южная Каролина, Зивв сын Исаака (Салинг Вулф) попросил Сару, дочь Зеэва из семьи священника, стать его женой по закону Моисея и

Израиля... Теперь вышеназванная Сара, дав согласие стать его женой, принесла ему украшенные узорами из серебра и золота наряды, бельё и мебель на сумму одна тысяча долларов, к которым вышеупомянутый жених прибавил свою собственность на сумму две тысячи долларов, что будет принадлежать ему и его потомкам, представителям и правопреемникам отныне и навсегда... уплатить Зеэву, сыну Иехиэля из рода священников (Гартвигу Коэну) и Иуде, сыну Исайи (Л.И. Мозесу), доверенным лицам упомянутой невесты, вышеуказанную сумму, а также сумму, равную трём тысячам долларов в современных деньгах этого города, и наиболее ценным имуществом... которым он владеет под небесным сводом или которое приобретёт впредь...»

У Сары и Салинга родились тринадцать детей, из которых трое умерли в раннем детстве. Моя мать, Исабель Вулф, которая родилась 4 марта 1850 г., была третьим ребёнком и первой дочерью в семье. В строке семейной Библии, соответствующей дню её рождения, говорится: «Бог даёт ей своё благословение». Мне нравится думать, что эта строка предвосхищала брак матери с моим отцом, так как имя отца, Барух, в переводе с еврейского значит «благословенный».

Когда началась Гражданская война, дедушка Вулф был богатым рабовладельцем. Война повергла его в прах, как сделала это с целым социальным классом, к которому он принадлежал. А то немногое, что осталось от его богатства после четырёх лет войны, было разрушено мародёрами Шермана.

Для того чтобы спасти хоть что-то из своего имущества, дедушка Вулф спрятал своё серебро в колодце. Когда появились янки и начали обыскивать дом, некоторые цветные, стоявшие рядом с колодцем, принялись завывать: «О, пришёл день, чтобы найти серебряные блюда!» И разумеется, они их нашли. Дом, другие постройки, запасы хлопка предали огню, а скот увели.

Местный священник и некоторые дамы, в том числе и моя бабушка, обратились к генералу Шерману с просьбой остановить эти необузданные грабежи и разрушения. Но в ответ было заявлено, что здесь ничего нельзя поделать.

Когда, будучи ребёнком, я познакомился со своим дедом, он боролся за то, чтобы вернуть былое благополучие. Он владел несколькими плантациями, которые начали приносить ему прежний доход. Но старые долги, тянувшиеся ещё со времён войны, отнимали практически всё, что ему удавалось заработать. Несмотря на всю свою героическую борьбу, он в возрасте восьмидесяти четырёх лет умер бедняком. Пока он болел, ему разрешили встать с кровати и посидеть перед камином. Чтобы подставить ноги поближе к огню, он накренился на стуле и опрокинулся прямо в огонь. Ожоги оказались последней каплей, переполнившей его чашу жизни.

От его прежнего богатства не осталось ничего, но, как я позже узнал, выдвижной ящик платяного шкафа был полон денег конфедератов.

У меня остались приятные детские воспоминания о своих

визитах в дом бабушки и дедушки, заново отстроенный после войны. Каждое утро дедушка, похожий на эсквайра английского графства, садился на своего коня Моргана и отправлялся инспектировать посеvy. Иногда он разрешал мне с братьями раздавать работникам-неграм недельные запасы сахара, кофе, бекона и риса. В качестве награды мы получали полные горсти коричневого сахара.

Моими самыми любимыми являются воспоминания о железной дороге, старой ветке Шарлотта – Колумбия – Августа, которая тянулась за домом, и в проходящие по ней поезда я швырял камни. Когда я видел, как кондуктор ходит взад-вперёд по вагонам, то думал: как хорошо бы вырасти и стать управляющим на железной дороге! Это страстное желание стать владельцем собственной железной дороги я нёс на протяжении всей своей карьеры финансиста. Несколько раз я начинал скупать контрольный пакет акций железной дороги, но всякий раз осуществление моей мечты ускользало.

В старом доме матери ходила одна история, ставшая для всех любимой. Как-то ещё до Гражданской войны отец, будучи в гостях в доме Салинга Вулфа, стал проявлять интерес к старшей дочери хозяина дома Исабель. Во время войны они виделись, когда отец приезжал домой в увольнения. Во время одного из визитов Белль нарисовала портрет молодого врача. Когда солдаты Шермана подожгли дом Салинга Вулфа, мама, которой тогда было примерно пятнадцать

лет, сумела спасти портрет. Она несла портрет через двор, когда вдруг солдат янки вырвал его у неё из рук. Мать стала отнимать портрет, тогда янки ударил её, портрет проткнул штыком. Тут вмешался офицер янки, капитан по имени Кантин, который стал бить солдата рукоятью сабли. Естественно, мать была благодарна офицеру за рыцарский поступок... И пока солдаты Союза не покинули Виннсборо, между молодыми людьми стал завязываться многообещающий роман.

Вернувшись с войны, Саймон Барух понял, что его собственный роман с Белль находится под угрозой. Она переписывалась с капитаном Кантином уже довольно длительное время. Однако вскоре Саймон Барух вновь сумел овладеть ситуацией. В 1867 г., перед тем как он начал работать сельским врачом, они с Белль Вулф поженились.

В семье было четыре ребёнка, все сыновья. Гартвиг, старший, родился в 1868 г., я – через два года; Герман – в 1872 г., и, наконец, Сайлинг – в 1874 г.

Во время Первой мировой войны, когда я был председателем военно-промышленного комитета, в моём кабинете в Вашингтоне появился посетитель, который просил меня помочь отправиться за океан на фронт. В руках у него было рекомендательное письмо, написанное рукой моей матери.

«Предъявитель сего, – говорилось в письме, – является сыном капитана Кантина. Я знаю, что ты сделаешь для него всё возможное».

Глава 3

Деревенский парень

1

Вплоть до того времени, когда состоялся рейд войск Шермана, семья моей матери была настолько благополучной, что ей никогда не приходилось даже одеваться самостоятельно. Зато потом, до того, как отцу удалось добиться стабильной врачебной практики, она давала уроки фортепиано и пения по 25 центов за урок. Кроме того, она продавала молоко и масло, полученные от стада коров породы джерси, которые составляли предмет гордости отца.

И всё же мать сохранила одну из привычек от прежних дней роскоши. Она всегда завтракала только в постели. Каждое утро я и трое моих братьев должны были предстать перед ней для осмотра. «Покажите ваши пальцы. Покажите ваши уши. Вы чистили зубы?» Часто после такой проверки мы вынуждены были снова отправиться к умывальнику.

В то время в Камдене проживало около двух тысяч человек, примерно половину населения составляли негры. Во время революции город был оккупирован войсками лорда

Корнваллиса⁷. Одной из туристических достопримечательностей Камдена была могила женщины, которую звали Эллен Глазго, последовавшей за своим любимым, генералом Корнваллисом, в Америку. При разливе протекающей поблизости реки Уотери негры обычно говорили, что это призрак Эллен своей силой останавливает наводнение недалеко от своей могилы.

Камден гордился ещё и тем, что оттуда вышли шесть генералов во времена того, что потом стали называть войной за Конфедерацию. Война принесла в Камден экономические невзгоды, как, впрочем, и во все города Юга. И всё же я не могу припомнить, чтобы наша семья когда-либо испытывала настоящие экономические лишения.

Мы жили в большом удобном доме и пользовались большинством тех же материальных благ, что и наши соседи. Значительная часть доходов моего отца поступала в виде товаров и услуг – вязанки дров, меры хлопка, зерна, цыплят, жеребёнка или телёнка, выполнении работ на «ферме» отца. Мы сами выращивали овощи, фрукты и ягоды, которые потом сушили или из которых делали консервы на зиму. У нас во дворе росли сливы, грецкий орех и тутовник.

Мы сами делали сахар, и вплоть до времени, когда переехали на Север, я не знал другого сахара, кроме коричневого. Осенью все дружно собирали лесной и грецкий орех. Сла-

⁷ Корнваллис Чарльз, или Корнуоллис (Cornwallis, 1738–1805) – британский военный и государственный деятель.

сти, апельсины, бананы или изюм мы получали только в редких случаях, как, например, на рождественские праздники. Одежда, обувь, кофе, чай, соль и специи – это почти всё, что наша семья регулярно покупала. Книги, журналы, газеты из Чарльстона – «Новости» и «Курьер» – бережно сохранялись, их передавали от дома к дому.

Большими праздниками считались походы в цирк. В городе была небольшая драматическая группа, которая устраивала в здании городской управы чтение стихов Шекспира, ставила его пьесы. В одном из спектаклей по произведению Вильяма Треверса «Кэтлин Маворнен» мама играла главную роль, а мой дядя Натан Барух – главного злодея. В одной из самых напряжённых сцен злодей угрожает героине ножом. Вид пятившейся назад матери и размахивающего ножом дяди Натана потряс меня. Я вскочил со своего места и закричал: «О, дядя Натан! Не трогайте маму!» После этого артисты несколько отклонились от общего хода пьесы, а меня выпихнули вон из театра.

В детстве я был робким и чувствительным, настоящим маменькиным сынком. За обеденным столом я всегда сидел справа от матери, и до сих пор помню, как упорно боролся за эту привилегию. Когда женился, то попросил свою жену сесть там, где обычно сидела моя мать, так чтобы я оказался по правую руку.

Когда мама давала нам уроки риторики, мой брат Гартвиг, который на два года старше меня, продемонстрировал

по этому предмету недюжинный талант. Поэтому неудивительно, что в конце концов он стал артистом. Но для меня встать и начать громко декламировать всегда было мучительной пыткой.

Я никогда не забуду один несчастный вечер в доме Маннеса Баума. Вот мама берёт меня за руку, ведёт в центр комнаты и командует: «А теперь, дорогой, скажи нам что-нибудь!»

Я был до смерти напуган, но начал монотонно что-то бормотать. Тот случай так глубоко врезался мне в память, что я до сих пор помню первые строчки отрывка, который бубнил. Это были стихи «Гогенлинден» шотландского поэта Томаса Кемпбелла. Я читал до тех пор, пока папа не поднёс к носу палец и гнусаво не начал передразнивать, что-то вроде «тудл-да». Это было последней каплей. Я выбежал из комнаты и, несмотря на то что обычно очень боялся темноты, бегом бросился назад домой, где проплакал до тех пор, пока не заснул.

Позже, через несколько лет, отец часто признавался мне, как он жалеет о той своей маленькой шутке. Тот эпизод почти разрушил во мне любую надежду на то, что мне когда-либо удастся овладеть искусством публичной речи. Ещё много лет я не мог подняться и произнести что-то, не вспомнив то «тудл-да».

Как-то я рассказал об этом президенту Вудро Вильсону. Сначала он начал утешать меня: «В мире и так слишком много людей, которые любят говорить, и слишком мало тех, кто

что-то делает. И большинству из них всё равно, слушает ли их кто-то. Поэтому не советую вам даже учиться этому».

Но я не мог с ним согласиться. Я считаю, что для человека так же важно уметь выражать свои взгляды, как и сам факт того, что эти взгляды у него есть.

Позже президент Вильсон помог мне улучшить навыки публичной речи. Во время мирной конференции в Париже он как-то уделил мне довольно много времени, показывая, как правильно жестикулировать, чтобы движения рук были плавными. «Делайте вот так, – объяснял он, медленно водя руками, – но не так», – показывая, как ту же речь можно сопровождать резкими движениями.

Помогли и другие друзья. У меня была привычка говорить сквозь почти сомкнутые губы. Герберт Байард Своп часто замечал: «Ради бога, открывайте рот!» В 1939 г. меня попросили сделать небольшое заявление по радио в связи со смертью папы Пия XI. Пока я говорил, Своп стоял передо мной и движениями лица напоминал мне о необходимости «правильно открывать рот».

2

Мне было четыре или пять лет, когда я начал ходить в школу, которую содержали мистер и миссис Уильям Уоллис. Школа располагалась примерно в одной миле от дома, и мы с братом Гартти ходили туда пешком, имея при себе завтра-

ки, аккуратно завернутые в салфетку. В те дни словом «салфетка» называли то, что подкладывали под грудных детей, и я долгое время считал, что это слово не может обозначать ничего хорошего.

Миссис Уоллис была хозяйкой заведения, которое в наши дни называли бы детским садом. Классной комнатой служило помещение кухни в её доме. Лёжа на животе на полу, я изучал буквы, а в это время хозяйка нянчила своего собственного ребёнка или готовила обед. Мистер Уоллис отвечал за детей более старшего возраста, то есть собственно за школу, которая располагалась в другом здании и была оборудована длинными скамейками и грубыми столами.

Госпожа Уоллис была прекрасным учителем, несмотря на то что некоторые из её методов вряд ли признали бы приемлемыми в наше время. Невнимание наказывалось ударами линейки по пальцам или ладони. За систематическую неуспеваемость или другое серьёзное нарушение полагалась крепкая порка. В углу комнаты всегда стояли розги. Я не помню, чтобы когда-либо эти розги использовали на мне, но именно в школе Уоллисов я впервые был свидетелем, что с помощью розог можно достучаться до сознания любого.

Как-то после полудня, когда занятия кончились, я увидел, как один из мальчиков оставляет у себя в парте наполовину откусанный красно-белый мятный леденец. У нас редко оставляли сласти, поэтому я не смог устоять от искушения. Вместе с моим близким другом мы замыслили завладеть

этим сокровищем. Когда школа закрылась, мы прокрались обратно, пробравшись под зданием, оттянули руками доску засова на двери и проскользнули внутрь. Мы схватили леденец, выбежали вон и тут же съели его под деревом. Почти сразу же пришло чувство вины. Сладко-мятный вкус во рту стал казаться горьким. Любопытно, но позже, в моей взрослой жизни, этот эпизод вновь и вновь вспоминался мне.

Как-то, когда я только ещё начинал свою деятельность на Уолл-стрит, один из знаменитых в то время спекулянтов Джеймс Кин попросил меня проанализировать вопрос о гарантированном размещении ценных бумаг компании «Бруклин гэс». Исследовав вопрос, я пришёл к заключению, что это было бы хорошим помещением капитала. После этого молодой человек, связанный с синдикатом, который продавал эти ценные бумаги, предложил мне в качестве «комиссионных» за выгодный для них отчёт 1500 долларов.

Это были в то время для меня очень большие деньги. Но воспоминание о том красно-белом мятном леденце снова встало передо мной, и я не смог принять их. Напротив, это предложение заставило меня испугаться, что с этими акциями что-то было не так, и я решил провести исследование заново. А в своём отчёте мистеру Кину указал, что мне предлагали комиссионные.

Школа Уоллисов являлась и жёсткой ареной, где шла проверка характеров. Ты должен был драться, чтобы не прослыть трусом. Мой брат Гартти был драчуном по натуре. У

меня же на то, чтобы научиться драться, не теряя при этом разума, ушло много времени.

Главной проблемой было то, что я слишком быстро выходил из себя. В детстве я был толстым веснушчатым мальчишкой относительно небольшого роста. В школе меня прозвали «банч» (пучок), я имел обыкновение обязательно ввязываться в любую потасовку. Унижение от того, что меня побили, никак не влияло ни на мою самонадеянность, ни на мой характер.

Однажды, когда Гарти отнял у меня удочку, я побежал за ним, поднял камень и сердито швырнул в него. Когда увидел, что камень летит прямо в цель, то крикнул, чтобы предупредить его. Гарти развернулся, и в это время камень попал ему в рот. С тех пор у него на губе шрам.

В другом случае во время визита к дедушке Вулфу я сильно разозлился во время завтрака, но из-за чего, сейчас не могу вспомнить. Тогда я наклонился к столу, схватил большой кусок мяса и запихал его себе в рот. Я тогда не причинил себе вреда, но мне сильно досталось от бабушки.

Мальчишки в Камдене условно делились на две «банды»: «верхнегородские», к которой принадлежали мы, и «нижнегородские», которая считалась более уважаемой и сильной. Возможно, за этим делением стоял какой-то давний конфликт, о котором я не знал.

Вражда между двумя группировками была жестокой. Ежегодный бейсбольный матч между командами, представ-

лявшими две части города, был важнейшим событием. Мы играли на поле за зданием старой тюрьмы. Как-то во время игры я попытался отбить мяч в третью лунку. Мне не удалось сделать этого, но я столкнулся с базовым игроком, и тот уронил мяч. Это вызвало драку, в которой я, как всегда, принял активное участие.

Мы жили примерно так, как написано о Гекльберри Финне и Томе Сойере. В самом деле, когда я читаю Марка Твена, всегда ощущаю ностальгию по своему детству.

Каждую весну поля Камдена заливают воды реки Уотери. Наводнение было несчастьем для взрослых, но мы, мальчишки, очень радовались этому событию. Мы строили плоты, на которых отправлялись вплавь исследовать затопленные на милях вокруг территории. Мы всегда жалели, когда вода наконец отступала.

Лучшим местом для ловли рыбы и купания считался заводской пруд, вода которого обеспечивала энергией фабрику Малоне, пресс для хлопка и мельницу. Кроме того, эта вода использовалась для крещения. Все долгие летние дни мы проводили в воде. Нашей единственной одеждой была рубашка и пара штанов, которые мы на бегу расстёгивали при приближении к пруду. Не останавливаясь, мы выпрыгивали из одежды и бросались в воду, подобно многочисленным лягушкам вокруг нас. Вдоль пруда стояли обрубленные деревья, которые мы между собой называли «первое», «второе», «третье» и «широкое». Я помню ту гордость, что ис-

пытал, когда впервые доплыл до первого дерева и обратно. Потом я покорил путь до второго. Я работал над тем, чтобы доплывать до третьего, когда наша семья уехала из Южной Каролины.

Почти все городские мальчишки собирали птичьи яйца, которые использовались как средство обмена и оплаты между собой. Гартти особенно ловко карабкался по деревьям, хотя мама и не одобряла, что мы разоряем птичьи гнёзда. А ещё мы любили охотиться в лесу на мелкую дичь с помощью заряжающихся с дула ружей.

Мне было, кажется, шесть или семь лет, когда я стал учиться стрелять. Мы договорились с отцом, что он станет давать нам немного денег за то, что мы станем вместе с неграми собирать на его «ферме» хлопок. На эти заработки мы покупали себе боеприпасы. Мы носили пули в старом кожаном чехле, а порох – в коровьем роге, который так истончился от времени, что стал почти прозрачным.

Вместе с нами на охоту обычно отправлялся и Шарп, белый английский мастиф, подаренный отцу одним из пациентов. Вообще-то Шарп принадлежал Гартти, но он всегда был рад составить компанию нам всем и был самым лучшим другом для мальчишек, какого можно было только представить себе. Он вместе с нами купался и провожал до школы. Этот пёс был великолепный охотник на крыс. Было забавно наблюдать, как Шарп копает, отбрасывая своими огромными лапами комья грязи у амбара для зерна в поисках крыс. Ко-

гда мы переезжали на Север, отец оставил Шарпа своим друзьям. Воспоминания о том, как мы расставались с собакой, до сих пор остаются для меня одним из горьких воспоминаний детства.

Несмотря на все наши проделки, шалости и драки, родители редко наказывали нас слишком строго. Я не могу припомнить случая, чтобы меня хоть раз отшлёпали отец или мать. Отец старался быть с нами более строгим, но когда он уже готов был подвергнуть кого-то из нас наказанию, мать тут же останавливала его. Я не раз слышал, как она говорила: «Послушайте, доктор, вам не следует быть слишком строгим к мальчикам, а то они не будут любить вас».

Но это вовсе не значит, что мы никогда не знали благотворного эффекта настоящей порки. Наша негритянка-няня Минерва не одобряла современного подхода к воспитанию. Будучи уже пожилой женщиной, она навещала меня на плантации в Южной Каролине и с удовольствием рассказывала моим гостям с Севера о том, как наказывала меня за плохое поведение.

И действительно, я, как и мои братья, всегда с ужасом думал о правой руке Минервы. Но больше всего мне запомнились истории, которые она нам рассказывала, и песни, которые пела.

Минерва была подвержена всем самым примитивным негритянским предрассудкам и суевериям. Для неё леса, реки, поля и даже наш собственный двор и сад были населены

духами и призраками. Как-то она объяснила, что именно по этой причине негры не любят стеклянные окна в своих домишках: ведь духи тогда смогут заглядывать в них.

Именно от Минервы я узнал о Братце Кролике и Братце Лисе, Братце Черепахе и прочих персонажах, которые Джоэль Чендлер Харрис включил в свои сказки дядюшки Римуса.

Минерва любила напевать печальную песенку про льва по имени Болем, который потерял свой хвост. Я до сих пор помню её приятный хриловатый голос, который выводил:

Болем, Болем, где мой хвост?

А потом отделённый от тела хвост отвечает:

Болем, Болем, я здесь.

Трагические нескончаемые поиски Болемом своего хвоста были для меня настоящей реальностью. Много раз мысли о нём и его скитающемся хвосте заставляли меня просыпаться по ночам.

Я любил Минерву, как и она любила меня. Она всегда встречала меня крепкими объятиями и поцелуем, ведь я до конца оставался для неё «дитём».

У неё было много и собственных детей, но никогда не было мужа. Она говорила по этому поводу матери: «Мисс Белль, в этом была ещё одна моя ошибка». Мы часто играли

с её детьми и другими детьми живущих по соседству негров. Особенно мне запомнился сын Минервы Фрэнк. Он лучше всех нас умел ловить рыбу и охотиться, ставить ловушки на птиц, то есть обладал всеми теми достоинствами, которыми я восхищался. Каким же жестоким ударом для меня стало, когда я повзрослел, узнать о той пропасти, что разделяла белую и чёрную расы! Я не мог понять, почему Фрэнк недостаточно хорош по сравнению с остальными окружающими.

3

В один из осенних дней, когда мне было лет пять или шесть, мы с Гартти тщательно обыскивали чердак нашего дома. Мы искали места, где могли бы храниться орехи, которые, подобно белкам, все собирали каждую осень. Вот мы нашли покрытый конской шкурой чемодан, который показался мне подходящим местом. Открыв его, я обнаружил мундир конфедерата, принадлежавший моему отцу. Порывшись глубже, мы вытащили оттуда белый капюшон и длинную одежду с малиновым крестом на груди – регалии рыцаря ку-клукс-клана.

Сегодня все знают, что КKK является одиозным символом фанатизма и ненависти. При этом все судят по его деятельности в 1920-х гг., когда эта организация набрала достаточно мощи, в особенности вне территории Юга. Мне ли не знать характер этой организации, ведь я сам был объектом

её ненависти.

Но для детей восстанавливаемого Юга то, что с самого начала представлял собой клан, который возглавлял генерал Натан Бедфорд Форрест⁸, казалось героической армией, боровшейся за освобождение Юга от злоупотреблений власти проходимцев. И факт принадлежности нашего отца к этим людям ещё более поднимал его в наших с братом глазах.

Мы так увлеклись осмотром найденных вещей, что не слышали шагов матери по ступеням, ведущим на чердак. Она сделала нам строгое внушение и взяла с нас обещание хранить тайну. Федеральное правительство объявило клан вне закона. За поимку его членов полагалось крупное вознаграждение, весь Юг кишел шпионами, пытавшимися выявить членов организации. Когда мы спускались вниз по лестнице с чердака, то чувствовали себя выросшими на целый фут.

Какими бы суровыми ни были экономические итоги войны, политический эффект восьмилетнего нахождения у власти правительства проходимцев оказался ещё более вредоносным и долговременным. Даже в наши дни, когда Юг процветает, над ним довлеют последствия той политической

⁸ Форрест Натаниэль Бедфорд (Forrest, 1821–1877) – генерал армии Конфедеративных Штатов Америки времён Гражданской войны. Один из разработчиков тактики мобильной войны. Является одной из наиболее спорных фигур Гражданской войны. Был обвинён в военных преступлениях при сражении при форте Пиллоу за убийство безоружных чернокожих, находившихся в расположении армии Союза. После войны участвовал в создании ку-клукс-клана.

недальновидности и плоды расовой нетерпимости.

Проходимцы от политики удерживались у власти в основном за счёт контроля, который они сами и поддерживающие их сторонники из числа жителей южных штатов осуществляли над голосами негров. Использование неграмотных негров в качестве инструмента политического давления ещё более усугубляло язвы расистской политики и растравливало раны, нанесённые рабством и войной. В конце концов всё это больше всего ударило по самим неграм, отбросив прогресс в межрасовых отношениях ещё на четверть века назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.